

Скорик Николай

5.9.2000.

Роль, которую он не сыграл

Осенью во МХАТе имени Чехова выйдет последний спектакль Олега Ефремова

Режиссер МХАТа имени Чехова Николай Скорик, многолетний помощник Ефремова, продолжает последний, неоконченный спектакль Олега Николаевича — «Сирано де Бержерак». Через несколько дней он покажет его Олегу Табакову, и тот примет решение: спектаклю быть. А пока что Полина Медведева (Роксана), Виктор Гвоздицкий (Сирано) и Борис Щербаков (Кристиан) перебрываются репликами: репетиции продолжаются давно, но на сцену они еще не выходили.

Алексей ФИЛИППОВ

Репетиция закончена, и я спрашиваю Николая Скорика: в каком состоянии Ефремов оставил «Сирано», что он собирался из него сделать и что хотите сделать вы?

— «Сирано» в планах МХАТа появился неожиданно. «Три сестры» были последним звеном в цепи чеховских спектаклей, поставленных Ефремовым на сцене этого театра, — мне кажется, после этой работы он ощутил некоторый вакуум. Что-то закончилось, что-то было надо начинать: шла речь о «Гамлете», о заново сделанном «Вишневом саде» — и вдруг возник «Сирано». Лет пять назад он сам мечтал его сыграть...

— В шестьдесят восемь лет?

— Олег Николаевич был способен на актерские чудеса. Мало кто умеет хорошо читать стихи, а Ефремов мог это делать. Позже, работая над «Сирано», он преследовал какие-то внутренние цели. Мне кажется, Олег Николаевич хотел вернуть самооценку подавленной режиссурой актерской профессии. Работа шла очень незаметно и подспудно — так, как она у него обычно и проходила, так, как она велась на «Трех сестрах». (Позже, после премьеры «Трех сестер», стало понятно, откуда возникла легенда МХАТа, что такое мхатовский ансамбль, который не построить никакими режиссерскими ухищрениями.) Давящей режиссуры у него обычно не было, шло возвращение по привычной мха-

товской схеме. На вопрос «А что же я здесь делаю?» он не отвечал ни разу. Его интересовал внутренний процесс. По большей части мы репетировали «Сирано» у него дома. Сценических костюмов, разумеется, не было. Какие костюмы? «Баллада о дуэли» — сидя на диване...

— Режиссура — прежде всего воля и умение передать свои эмоции актерам. Олег Николаевич в последнее время тяжело болел — мог ли он репетировать?

— Поэтому мы и работали у него дома. Я репетировал здесь, а потом мы приходили к нему и я ему все рассказывал. Репетиции шли, но не так, как могли бы, а Олег Николаевич чувствовал себя все хуже и хуже — сидение дома, полутстраненность от работы его убивали. Надо было вытащить его в театр, и он это понял: отказался от лекарств, сам составил себе режим — включил в него репетиции. И почувствовал себя лучше. Но к концу репетиций — а они шли в неустойчивом режиме, и по два, и по три часа — он был совершенно без сил.

— Когда спектакль будет сыгран?

— Сразу после открытия сезона, ко дню рождения Ефремова. Декорации уже готовы, и они, на мой взгляд, удались. Олег Николаевич даже запретил фотографировать их до премьеры.

— Распределение ролей кажется мне странным. Это должен быть молодежный спектакль — стихи, страсть, война...

— Первый концерт Рахманинова существует в юношеской и в поздней редакции, и неизвестно, что лучше.

— Как вам работало с Олегом Николаевичем?

— Он был болен, и с ним было непросто: порой Олег Николаевич был непредсказуем, порой несправедлив. Ни один из спектаклей не стоил мне такого труда — я падал после репетиций.

— Но для него этот спектакль был значим. Он понимал, что «Сирано» — его последняя работа?

— Олег Николаевич все время строил очень далеко идущие планы. Он доказывал, что еще жив, что без него эту работу не-

возможно сделать — прежде всего ему было необходимо продемонстрировать это самому себе. Хотя... хотя, может быть, не все так просто.

Однажды, очень давно, на следующий день после его пятидесятилетнего юбилея (я был студентом и пришел к нему на репетицию «Эльдорадо»), он подсел ко мне и сказал: «Ну что?.. Вот и кончилась жизнь». Самое главное дело Олега Николаевича, «Современник», осталось у него за плечами... Впрочем, «Три сестры» тоже были очень значимы — спектакль внес оживление в теоретические представления о методологии МХАТа...

— По-моему, это трагическая история: человек отдает театру полжизни и в одном из своих спектаклей оживает теоретические представления о его методе...

— Ну нет. Не в одном. Вспомните ясную и гармоничную «Чайку», вспомните «Вишневый сад». То, на что Олег Николаевич потратил вторую половину жизни, имеет свою цену, как и основа, которую он заложил в «Сирано».